

"Раскинулось море широко..."

Достался нам век беспокойный...

История эта имеет длинную предысторию. Хотя, наверное, могла быть пересказана вкратце. Собственно, только сюжетная линия. Может быть, и этого было бы более чем достаточно.

Начну, пожалуй, так.

Умер в штате Оклахома, в каком-то обычном американском городке, обычный россиянин 82 лет от роду, обычный эмигрант. Назовем его Василий Михайлович Фридан. На этом-то все обычное и заканчивается.

Немногие из очень немногих знали действительную историю Васи Фридана — парня откуда-то из-под Саратова или Тулы, заброшенного в Америку очередной эмиграционной волной в середине 70-х уже прошлого века.

Как говорил когда-то Высоцкий словами такого же парня:

...За что мне эта злая,
Нелепая стезя —
Не то чтобы не знаю, —
Рассказывать нельзя...

Теперь рассказывать уже можно. И нужно.

Жила в Одессе, где-то на Колонтаевской — этой настороженной молдаванской улице — обычная еврейская семья. Отец, мать, сын и дочь. Жили, как все вокруг, особенно ничем не выделяясь. Отец работал примусником на Привозе. Мать хозяйничала по дому, подрабатывая ночами шитьем тряпичных валенок и фуфаек. Сын 23-го года рождения, дочь — где-то там 30-го.

Детство. 5-й трамвай, 14-я школа, Староконный базар...

Парень окончил семилетку, учился в Черноморской школе юнг. Потом — обычное мореходное училище, стал матросом-мотористом. Потом — пароход "Крым". Потом война...

Черноморский флот. Сначала Одесса, потом Севастополь, потом Новороссийская военно-морская база. Потом морская пехота. Многих снимали с кораблей — на суше они были нужнее.

Еще до этого он мог утонуть на "Армении" — санитарном судне. Как говорится, Бог миловал. Сняли буквально с трапа...

Оттремел 41-й, пробежали 42-й и 43-й. Были ранения — разные ране-

ния. После контузии из Севастополя на носилках успели погрузить чуть ли не на последнее судно... Стук колес санитарного поезда, увозящего в тыл. Госпитали, операционные, реабилитация... Потом опять штыковые атаки, рукопашная с наброшенным на руку ремнем с морской бляхой... вместо автомата. Радость побед местного значения...

В 44-м уже чувствовался воздух той самой большой Победы. Двигался к ней шагами, полз, отвоевывал метр за метром, дом за домом, город за городом...

Одесса уже была свободна. Еще, казалось, ты никогда не был так близок к ней. В каких-то ста километрах от дома осколок зацепил ногу. Как-то обошлось, рана заживала быстро. Уже почти снова стоял на своих двоих... Летом 44-го, после госпиталя (эти походные госпитали были почти в каждой школе, каждом клубе), наш парень все-таки попал в Одессу. Проездом, догоняя свой полк.

Уже освобождали Молдавию, фронт двигался дальше — на Румынию и Венгрию. В тылу стояла полная неразбериха. Части из резерва подтягивались в прифронтовую полосу для пополнения действующей армии. Толчея на мобилизационных пунктах... Тылы подчищал СМЕРШ, на местах уже устанавливалась законная власть.

И вот Одесса. На все про все — не более трех часов. Прошел через весь город — от разрушенного железнодорожного вокзала до своей Колонтаевской. И вспомнил многое... Несколько раз останавливал военный патруль. Ребята улыбались, увидя по документам, что он одессит.

В лихом парне в синей фланельке и бескозырке, с боевыми наградами тяжело было узнать того 18-летнего пацана, который уходил с этого двора в военную бесконечность.

Все быстро стало на свои места. Во дворе помогли разобраться. Мать, отец и сестра убиты еще в ноябре 41-го. Сосед по лестничной клетке прятал их у себя. Румынские полицаи вместе с нашими "помощниками", обшарив двор, уходили ни с чем. Но что-то пронюхавший дворник вернул их назад и дал правильную ориентировку. Жена дворника даже помогла открыть своим ключом нужную дверь черного хода. За укрывательство евреев расстреляли и соседа.

...Зашел в дворницкую. Ноги сами шли. В кармане рука сжимала трофейный браунинг. Дворник нагло ухмылялся. Его жена не могла успокоиться: "Смотри, не всех еще доби́ли. И этот опять здесь...". Он не слышал ее слов, глаза натыкались на знакомые вещи из родительской квартиры. Все то, что стояло перед глазами все эти годы.

Парень объявил приговор и сам привел его в исполнение. Браунинг не подвел... Говорят, что потом — и в 45-ом, и в 46-ом, и даже в 47-ом — уже другие искали того дворника. Чтобы рассчитаться. И власти тоже искали. Но рассчитываться уже было не с кем...

Дальше опять война. Он все-таки попал к своим — успел догнать еще в Молдавии. Просто на распределительном пункте его случайно узнал прежний помполит.

Одесские соседи, которые указали на дворника, тут же указали властям и на того, кто подвел черту в "дворничком" деле. В СМЕРШе напрасно хлеб не кушали. В особый отдел воинской части полетело распоряжение: "*В связи с возбуждением уголовного дела по факту убийства... срочно этапировать такого-то к месту совершения преступления...*". Странно, как в такой неразберихе сработала и завертелась следственная машина. Странно вообще, что кто-то начал его искать и, в конце концов, нашел. Такое вот счастье...

Комбат начинал с ним еще с самого Севастополя. Начинал младшим лейтенантом — после ускоренного выпуска военного училища. Он, как и многие с переднего края, мягко говоря, не любил контрразведку. А еще выдать человека, с которым из окружения выходил, с которым все эти годы "загибался" по сто раз на день, с которым хоронил своих, начиная с Севастополя и Инкермана... Он выслушал парня, стукнул кулаком по столу: "Ты все правильно сделал. У нас, в Сибири, поступили бы также... Когда все это закончится, только одному Богу известно. А пока — война... Ты здесь нужнее, чем там. Сколько из тех, наших, теперь осталось — сам видишь. Я да ты... Так что, воюй! Лучше, чем раньше, не надо...".

За словом последовало дело. На запрос СМЕРША из части ответили, что разыскиваемый такой-то геройски погиб... вчера в бою. Все. Такого больше нет. Потом старшина выправил красноармейскую книжку. Имя чуть подправили, в фамилии выбросил всего одну букву — букву "м". Букву, изменившую саму суть.

Так одессит *Виля Фридман* превратился в *Васю Фридана*.

Дальше уже воевал Вася Фридан. Начал воевать, как говорится, с "белого листа". Все, что было до этого, его не касалось. Прежние награды тоже. Все это было в другой жизни, с другим человеком. И новенькую "Красную Звездочку" уже вписали в новую орденскую книжку — орденскую книжку матроса Василия Михайловича Фридана. Это в конце августа 44-го — за Кицканский плацдарм, форсирование Днестровского лимана и десант в районе Аккермана.

А вообще, кто тогда, на передовой, смотрел в документы? Смотрели, как ты воюешь... А писарями были ребята, которые иногда с трудом писали. Даже туркмены и узбеки, которые и русского-то толком не знали. Представить только всеобщий хаос в прифронтовой полосе. А толпы на пересыльных пунктах, где собирались профильные команды для боевых частей? А новые призывники?! Короче, все говорило про то, что комбат принял правильное решение.

Дальше он воевал в Венгрии и Австрии. Против немецкой группы армии "Юг". Пришлось форсировать Дунай, а в марте 45-го прорывать оборону Секешфехервара, биться за Вену. Об этом напоминала Васе Фридану медаль "За отвагу".

До Берлина он так и не дошел. После переформирования — на Дальний Восток, через всю страну — в теплушках и открытых платформах. Железнодорожные станции и разъезды, полустанки и узловы точки. Казань, Челябинск, Новосибирск, Иркутск, Чита, Хабаровск, Владивосток... Казалось, это никогда не закончится. Встречающие, спирт, полевые цветы и слезы. Много слез...

С Японией разобрались быстро. В августе 45-го морской пехотинец Вася Фридан в составе Северной Тихоокеанской военной флотилии освобождал Южный Сахалин, участвовал в захвате порта Торо и военно-морской базы Отомари. Медаль "За победу над Японией" и сквозное ранение спины — память о Сахалине.

...Как ни странно, он поначалу даже пугался мысли, что война может вот-вот закончиться. А что потом?

Куда потом?!

Одесса закрыта на всю жизнь...

Одесса — куда рвался всю войну.

За что воевал...

За что умирал...

Туда пути нет.

Тогда, в октябре 45-го, на Сахалине ему улыбнулась девушка — ефрейтор связи. Они поженились, а после демобилизации поехали к ней. Почти в глубинку России — осели там.

И все годы эти хранил Вася Фридан свою тайну.

А Одессу увидел всего один раз, только в июле 1952 года. Проездом. Нельзя было отвертеться — направили в командировку на Украину.

Только-только отстроили железнодорожный вокзал. Он вышел из поезда, глубоко надвинув шляпу на самые глаза. Вокруг была незнакомая

одесская жизнь. С Привокзальной площади посмотрел на убегающую вдаль Пушкинскую... Представил себе сетку одесских улиц. "Про себя" последовательно перечислил все улицы — аж до самой Дерибасовской. С этим пересел в автобус и поехал дальше.

Дальше по жизни...

А как жил? Вот так и жил — "перебивался", "ставил" детей на ноги, "гнал" план, платил партвзносы и думал, что уже завтра будет лучше.

А потом — Америка, так дети захотели. Но это уже другое...

В тяжелые минуты мысленно искал тот, еще довоенный, 5-й трамвай. Его перезвон возвращал снова и снова в Одессу, на Колонтаевскую.

Резко оглядывался, внезапно узнав в толпе, как казалось, знакомое одесское лицо. Но так только казалось.

...Потом, спустя годы, его много раз спрашивали, не жалеет ли он?

Не жалеет ли о случившемся? Может, надо было не обратить внимание, пройти мимо...

Нет, сожалений нет.

Убил бы столько раз, сколько бы встретил. Вернее, встречи бы не ждал. Из-под земли достал бы.

...Незаметно пробежало время, расставив по своим местам города и людей, события и страсти, любовь и ненависть. И через все это прошел строевым шагом матрос-пехотинец Виля Фридман — переименованный жизнью, отлученный от Одессы, загнанный в угол. Человек с достоинством, не запертый текучкой и серой повседневностью.

Ришельевская, 84...

Кто сейчас в Одессе помнит, где стоял мой дом?

Как будто его и не было...

А что тут знать?

Идешь по правой стороне Ришельевской — в сторону Водопроводной, переходишь Чижикова — и почти на углу мой 84-й номер.

Считай, что я жил прямо на Привозе.

Сейчас на этом месте построили что-то большое, безразличное. А обычный был дом, только в нашем флигеле семей так на двенадцать-тринадцать.

Все как-то перебивались, одалживали и переодалживали. А у самых богатых, может, было лишнее перелицованное пальто или, я знаю, кто-то мог унести для детей лишнюю буханку хлеба с хлебзавода на Слободке.

Что, то государство думало, как кого накормить? Я говорю уже за послевоенное время. Кто уцелели — вернулись домой. Кто — с войны, кто — из эвакуации. Кто с деревни сбежал от голодухи... Конечно, все жили с Привоза. Сам Бог велел.

Теперь от той жизни ничего не осталось. Даже стен...

А возле стен тех мы когда-то играли в "жмурки". Помнишь, "дын-дыра за себя"?!

А я помню. Помню...

И уже казалось, меня ничем нельзя испугать или удивить. Оказалось, что все-таки можно.

Как-то лет пять назад помогал разносить пригласительные на очередные выборы. И вот, где-то на Гайдара открывает дверь молодая женщина. Вижу в глубине коридора на стенке прикреплена табличка с надписью "*Ленина, 84*". Аж вздрогнул. За минуту перед глазами проскакала вся жизнь. Это для кого-то "Ленина", для меня — это всегда Ришельевская. Получилось, что еще ее дед, перед тем как валили наш дом, выкупил у работяг эту табличку. Деда того давным-давно нет, а вот "*Ришельевская, 84*" теперь навсегда в их доме. Как икона...

Мой 84-й номер!

Где-то в году 47-м мне было лет одиннадцать, не больше. Чтоб жить, мама научилась шить кепки-восьмиклинки. Мама шила, а я продавал... Вышел из ворот, направо — и ты уже торгуешь. "Торговый опыт" у меня был еще с 44-го (!) года. Я ж продавал холодную воду на Привозе. А это, скажу, таки школа!

Сразу после войны водопровод не работал, а у нас во дворе был вход в катакомбы. Вход тот давно почти завалили. С тех стен, с ракушечника, капала вода. Так я еще "с ночи" подставлял все, что попало — ведра, банки-склянки, бутылки. Потом отцеживал через два слоя "дверной" марли — и получи чистую воду! А лед брали тут же, в старых рыбных рядах... То ведро на Привозе "тянуло" рублей под сто, не меньше. Так за день тоже "отбивал" свои рубликов четыреста. Так и пел: "*Есть холодная вода! Кому напиться-прохолодиться! Есть холодная вода...*" А то ходил за водой на Сахалинчик. За раз мог принести аж два ведра! С остановками, конечно. С моих рук тогда пила, наверное, хорошая четверть Привоза...

Ну, это так...

А что те кепки? За раз брал ровно четыре штуки. Значит, дай вспомнить. Две — под пальто, одну — на голову, другая в руках. Распродал — сразу домой за новой партией. И так до обеда.

Вот как-то торгую, только "толкнул" одну кепку, как меня уже "высчитали". Смотрю, буквально летит на меня милиционер. Куда бежать? Далеко на Привозе не убежишь... А я как раз торгуюсь с одним евреем. Он хотел тут же сбить целую десятку — вместо 35 рублей совал четвертак. Я стоял на своем. Уже же научился здесь чему-то! А тут этот милиционер берет меня одной рукой и тащит. В другой руке у него уже другой задержанный! Куда? В опергруппу Привоза. Об опергруппе Привоза я бы мог рассказывать год без остановки. Опергруппа Привоза — это отдельная песня. И тогда, и теперь...

Короче, на мне пальто цвета кукурузы. "Пальто" — это очень громко сказано. Просто мама перешила "на меня" румынскую шинель. Мы же успели пережить румынскую оккупацию, два с половиной года пережить. И еще при румынах мама пришила к той шинели внутренний "липовый" карман, а уже под этим карманом был специальный "прорез" — прямо в подкладку. Этот "прорез" мог найти только я один. Вот туда и "сбрасывал" деньги — туда, в самый низ. Попробуй там найди! Я ж деньги не накапливал. Продал четыре кепки — сдал деньги, взял еще четыре.

Что ты не понял? Вот, допустим, шмонают по карманам, а в карманах пусто. А вообще, кто будет на Привозе тщательно шмонать одиннадцатилетнего пацана? На это все и рассчитано! Так что "прорез" этот пригодился и для советской власти...

Короче, тянут в милицию. В оккупацию еще не так было. Что, меня один раз задерживали? А это все-таки свои...

А тот еврей, зануда, видя, что милиционер что-то хорошо "отвлекся" на второго задержанного, продолжал идти за мной. И... продолжал торговаться. Я не уступил — по глазам видел, что он уже "загорелся"... И он так взял, деньги — в "прорез". Слава Богу, еще от одного вешдока избавился. Теперь, считай, "с головой" у меня осталось только две кепки.

Ну что? Заводят в опергруппу. Наш милиционер побежал оформлять. А я остался один на один с тем "попутчиком". Он ко мне: "Слышишь, пацан! *Шю* там у тебя? Кепки? А по сколько?!".

Я его не только хорошо слышал, я его хорошо понял. Все-таки "румынский" опыт... "Дядя, я же вижу двумя глазами, что вас взяли с бабками! Сейчас вообще все "выгребут". Вам же лишние бабки "скинуть" надо! А так хоть кепка останется... Всего за полтинник!" И что ты думаешь? Он не задумываясь сунул 50 рублей. А это уже были деньги! Тарелка, например, даже борща — целая (!) тарелка — тянула от силы рублей 15. Восьмушка черного кирпичика — что-то 12 рублей. А в кино сходить, допус-

тим, в "ХХ-летие", или в "Трамвайщиков", или в тот же "Бомонд" на трофейную "*Сестру его дворецкого*", или, там, на "*Зигмунда Колосовского*" — так рублей 5-7. Что я говорю? Сахарный "петушок" можно было на Привозе "отбить" за 5 рублей!!!

Все. Остался с одной кепкой на голове. Теперь попробуй взять меня, даже не голыми руками! Деньги "схованы", кепка — на голове. А кто допрет лезть пацану под подкладку?! ...Дежурный раскалывает: "Ну, чем торгуем? С чем взяли?!". Я захныкал: "Дядя, я не торгую, я только вышел из дома. Я же живу на Привозе — на Ришельевской, 84! Мне на вторую смену, в школу на Куликовое поле...". Дежурный прищурился, подошел ко мне, держа в зубах зажженную "Беломорину". Небрежно прошмонал карманы, что-то напевая себе под нос. Тут к нашему разговору прислушался другой милиционер: "С Ришельевской, 84, говоришь? А кто там у вас дворничка? А?!". Как потом выяснилось, это был наш участковый.

Тыц-грыц! Что я, не знал, кому выбивал мячом стекла? Кому поджигал "кины" возле дверей?! "Тетя Наташа", — бойко отрапортовал я. Он кивнул: "Быстро вали отсюда! И не шатайся около торговых рядов".

Вот так мы зарабатывали с малых лет.

Мой дом...

А как после войны ходили в школу?

По дороге в школу стояли уличные хулиганы — останавливали школьников, рылись в портфелях, отбирали завтраки, тетради, карандаши. Пацаны, у которых было что забирать, собирались группами у моих ворот. И я провожал их в школу.

Завидя меня еще издалека, те хулиганы уступали дорогу: "Привет, Серый! Эти с тобой?!". А уже потом, мне в спину, объясняли кому-то: "Это же Серый с Ришельевской, 84! Кореш наш с Привоза. Он только свистнет — и всех поставят на голову...".

Мы же еще имели дело с "поездными" ворами. А их боялись... Эти пацаны, старше нас, "чистили" московские, ростовские, ленинградские поезда. "Тырили" чемоданы... А между "рейсами" жили в развалках вокруг вокзала, играли с нами в футбол на полянке перед "судебкой" (теперь это Управление железной дороги). Мы их в Одессе ориентировали "по месту". А нас они уважали. Делились даже жратвой, даже могли за нас дать кому-то "оторваться". А как их потом найти? Раз-два... и они уже разбежались по своим поездам.

В других ситуациях вообще в мою сумку складывали все завтраки. Кто ко мне в сумку полезет? За мной же Привоз стоял! А потом, уже в школе,

я раздавал обратно те бутерброды... Хотя и у самого "скрипело" в желудке... Какая мама? Мама уходила когда, было темно, и приходила, когда было темно.

...И когда уже потом учился в мореходке на Маразлиевской — тоже выручала моя Ришельевская, 84.

Тогда старшиной роты назначили мужика, уже отслужившего действительную службу, старше нас на хороших лет восемь-десять. Сволочь была законченная. Измывался над "молодыми", мог даже избить слабого. "Стучал" на всех подряд, выслуживался перед каждым погоном...

Пока он меня сильно не трогал, я тоже старался не обращать внимания. Но подошла моя очередь. И когда он в очередной раз замахнулся на меня, я неожиданно процедил: "Попадешься на моем хуторе — тебе конец...". Но кто обратит внимание на угрозы "из детского сада"? Так он думал... Но, представь, сама жизнь привела его на Ришельевскую, 84.

Уже смеркалось. Очевидно, он шел с Привоза. А я шел домой с экипажа. И надо же — мы столкнулись прямо возле моих ворот! Не подозревая, что это мой дом, но хорошо запомнив мои угрозы, он автоматически шмыгнул в подворотню. В мою подворотню!

Я — за ним. Он — в парадную, в мою парадную! Я — за ним. Он — на последний, третий этаж. И затаился...

Разве я мог этим не воспользоваться?!

На моем втором этаже я намеренно постучал соседу: "Слышишь! Ты не видел такого плотного мужика в морской форме?! Вроде он сюда забежал... Там, возле ворот, наши собрались — хотят его в лучшем случае... зарезать. Так ты его не видел?". Конечно, тот старшина все хорошо слышал.

Можно себе только представить его состояние. Я пошел спать, а он, очевидно, на всю ночь забился в угол — переждал...

Что сказать? После этого он не то чтобы меня не трогал, он при мне вообще никого не трогал... Завидя меня, замолкал и сразу переходил на другую сторону. Мой дом дал ему урок. Думаю, что Ришельевскую, 84 он никогда не забудет...

И я не забуду.

То то вспомню, то это...

Как похоронки приносили.

Как смотрела мама...

Как двор провожал меня в мореходку.

Как детей рожали, как хоронили, как "туда" уезжали...

Получается, что вся та чужая жизнь и была моей.
Вот закрою глаза и вижу наш 84-й. Могу даже посчитать окна и ступени его лестниц.

Так и сходим по тем лестницам, но теперь уже вниз...

А кому, спрашивается, нужна жизнь на две кнопки: включил-выключил?!

Так что, глушить мотор?!

Нет, еще поживем...

Не открывается такое никогда...

(Открытие Губаря)

Совершил открытие:

Открыл холодильник — пусто...

Еврейский тост на крестинах

...Вы за нами не как за каменной стеной.

Вы за нами как за Стеной Плача.

ИТАР-ТАСС не уполномочен заявить...

Одесса. Главпочтамт на Садовой. Очередь для приема посылок. Внезапно пожилая грузная женщина, не обращая внимание на очередь, протискивается к окошку:

— УспокойтеСЯ! Я не сдаю никакую посылку! Я только спросить! Скажите, вы гречку принимаете?

— Да, принимаем.

— А до Нью-Йорка?

— Опять да...

Старуха с удовлетворением отходит, но тут из очереди ей подсказывают:

— Женщина! Я только что из Нью-Йорка. Там есть гречка...

— Ой! Знаю я ихНЮЮ гречку...

Путь далек у нас с тобою...

— ...Что делается?

Что делается?!

Когда же они начнут о людях думать?

— Каких людях? Кто думать?!

— *ШО* вы не читали? Они же теперь приняли новую программу — называется "*Навстречу людям*".

Так *ШО* ж вы хотите? Они еще в пути...

"Белый" танец

- ...Когда же включают свет в подъезде? Сколько же можно?!
- Не понял! Вы *ШО*, с неба упали?
- У них же сейчас политика прозрачная, а не светлая. Прозрачная!!! Так о каком белом свете вообще идет речь?!
- Отсюда и танцуйте...

Вопрос философский...

...Если он возьмет себе в дом собаку, то получится одно из двух — или он бросит пить, или она начнет...

Хоть что-то...

Собака от первого брака. В смысле, досталась...

Не до Соломона...

- Вы же на Староконном, так хоть что-то возьмите...
- Ну, видеокассету "Звездные войны". Нет?
- Тогда спицы вязальные. Нет?!
- Ну, тогда, я знаю, хоть "Копи царя Соломона". Это же не каждый день!
- Это же книга из "Золотой серии"!
- *ТА* хоть из "Брынзовой серии"!
- Оно мне надо?
- У меня тесть Соломон — полный идиЁт...

На грани провала

Староконный базар. Человек в форме осматривает разложенные "на земле" книги. К нему обращается продавец:

- Товарищ милиционер!
- ШО* вы смотрите по сторонам, когда она сама на вас смотрит?
- Не понял? Кто смотрит?!
- Та книга эта! Это же как раз для вас. Сами читайте название: "*Для тех, кто шьет*"...